

УДК 821. 161. 1

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА
(Полтава)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

Ключові слова: психологізм, психологічна деталь, психологічний стан, внутрішній монолог, герой, персонаж.

Несмотря на обилие научных исследований, посвящённых Гоголю, некоторые проблемы поэтики его творчества остаются недостаточно изученными. Причина этого явления – в многогранности и многомерности наследия писателя. К таким практически неизученным вопросам наследия Гоголя относится вопрос о специфике психологизма в его творчестве.

Следует также признать, что сама проблема психологизма в литературе содержит много противоречий, не все её аспекты освещены равномерно, несмотря на наличие исследований А. Б. Есина [7], В. И. Страхова [19], О. Б. Золотухиной [9; 10] и других учёных.

В большинстве энциклопедических и справочных изданий по литературоведению статьи о художественном психологизме, как это ни странно, отсутствуют, несмотря на то, что это понятие широко употребляется в литературоведческих трудах и давно закрепилось в школьных программах. Так, мы не найдём такого понятия в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) и в «Літературознавчому словнику-довіднику» (К., 1997). Возможно, это связано с тем, что исследователи по-разному истолковывают термин «психологизм», подразумевая под ним в одних случаях всеобщее свойство искусства, заключающееся в изображении человеческих характеров, психологических типов, а в других – наиболее глубокое и детальное воспроизведение внутреннего мира персонажа. Сегодня нет чёткого разграничения понятий «психологическое изображение», «психологический анализ» и «психологизм».

Замечу, что само понятие «психологический анализ» не имеет ничего общего с психоанализом, основателем которого был З. Фрейд. В литературоведении психологизм или психологический анализ – это художественное воспроизведение внутреннего мира персонажей, их мыслей, чувств, переживаний. Л. Я. Гинзбург указывает, что «психологический анализ осуществляется в форме авторских размышлений или в форме самоанализа героев, или косвенным образом – в изображении их жестов, поступков, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель» [2, с. 347]. Большинство исследователей видит в психологизме способ изображения внутреннего мира героев, «то, что не обладает ни предметностью, ни наглядной изобразительностью, – воспроизведение психологии персонажей», как замечает О. Б. Золотухина [9, с. 8], но при этом включает в сферу рассмотрения компоненты предметной изобразительности (портреты, психологизированные пейзажи и детали).

А. Б. Есин считает, что для психологического изображения нужна «такая проблематика, которую можно назвать идейно-нравственной», что

именно такая проблематика «требуется для своего воплощения психологизма как художественной формы» [7, с. 24]. И. В. Страхов выделяет две основные формы психологического анализа. Это изображение характеров «изнутри», то есть путём художественного познания внутреннего мира героя при помощи внутренней речи, образов, памяти, воображения; и психологический анализ «извне», выражающийся в психологической интерпретации писателем выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимических и других средств внешнего проявления психики [19, с. 4].

А. Б. Есин делит писателей на психологов и не психологов, выделяя в литературе *психологический* и *непсихологический* способы изображения реальности. Так, к писателям-психологам в русской литературе он относит Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, а вот у Рабле и Гоголя, с его точки зрения, «психологизма нет вообще (и это действительно так!)» [7, с. 6]. Удивляет категоричность подобного заявления исследователя, утверждающего, что психологизм отсутствует в таких произведениях Гоголя, как «Тарас Бульба», и что его «Мертвые души» «не психологичны» [7, с. 23]. Нельзя согласиться с подобными высказываниями А. Б. Есина, хотя следует признать, что его монография «Психологизм русской классической литературы» имеет неоспоримые достоинства.

Рассматривая проблему психологизма в литературе, А. Б. Есин и другие исследователи, как правило, избирают в качестве объекта своих научных разысканий реалистические произведения, а точнее – вершинные явления психологической прозы XIX века, например произведения Стендаля и Флобера во французской литературе или произведения Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова – в русской. Однако в творчестве указанных авторов психологизм был характерной особенностью стиля или стилиевой доминантой. Речь идёт о периоде расцвета психологической прозы. Для этого расцвета необходим был подготовительный этап формирования психологических приёмов изображения персонажа. И таким подготовительным этапом было творчество сентименталистов и романтиков, которые обратили внимание на внутренний мир героя и начали вырабатывать способы его изображения.

Цель данной статьи – проанализировать разные формы и приёмы психологического изображения в произведениях Гоголя, определить их специфику. Специальных работ, посвящённых этой теме, совсем немного.

Так, ещё в 1911 году психолог И. А. Сикорский произнёс речь в Университете Св. Владимира на тему «Психологическое направление художественного творчества Гоголя» [17], которая важна самой постановкой проблемы и признанием того, что произведениям писателя свойствен психологизм.

В советский период в интерпретации гоголевского наследия активно подчёркивалось социальное значение созданных им образов, которые рассматривались в первую очередь как социальные типы чиновников или помещиков, при этом игнорировалась их психологическая составляющая.

Важный вклад в понимание и истолкование Гоголя как писателя-психолога внёс философ, богослов, культуролог и литературовед В. В. Зеньковский, который на протяжении четырёх десятилетий занимался изучением творчества Гоголя и посвятил ему свою монографию, изданную в Париже. В своём труде учёный уверенно заявил: «Гоголь был превосходным психо-

логом в своих произведениях. Тема эта, – о Гоголе, как психологе, – мало разработана, между тем Гоголь (в очень многом) предвосхищает Достоевского, именно как психолог» [8, с. 207]. В. В. Зеньковский одним из первых в литературоведении затронул проблему психологизма в творчестве писателя, коснулся отдельных её граней, но в целом эта проблема нуждается в уточнении и развитии.

Общеизвестно, что в творчестве Гоголя наблюдаем синтез романтических и реалистических тенденций. В. В. Зеньковский подчёркивает, что «внешний реализм для самого Гоголя был только «оболочкой», как бы некоей «словесной плотью», за которой он стремился проникнуть во внутренний мир героев». С точки зрения исследователя, в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» «бесподобно обрисован» психический строй Ивана Ивановича, а «сколько психологической тонкости в изображении Ивана Федоровича Шпоньки (напр., в его переживаниях во время работы в поле)!» [8, с. 207]. В данном случае примечательно то, что исследователь, иллюстрирует свои мысли о психологизме у Гоголя примерами из его раннего творчества.

Украинский литературовед А. А. Слюсарь отметил, что в творчестве Гоголя отразилась та форма психологизма, которая возникла в первой трети XIX века. Гоголь, по мнению А. А. Слюсаря, подобно В. Скотту, сосредоточивает внимание «на характерах и страстях действующих лиц», а в некоторых его произведениях в зачаточном виде встречается и «диалектика души», значение которой было впервые оценено по достоинству Л. Толстым [18, с. 44–45].

В начале XXI века учёные вплотную подошли к осмыслению концепта «душа», который очень важен в творчестве писателя. Об этом, в частности, свидетельствует диссертация Ким Хюн И «Проблема души человека в петербургских повестях Н. В. Гоголя» (2004) [6]. Особую активность в изучении гоголевского психологизма демонстрируют психологи. Например, С. Ю. Поройков подчёркивает, что Гоголь не подражал чужой манере изображения психологических типов [16].

«Глубочайший психологизм Гоголя мало кем изучен, – отмечает Е. Ю. Коржова. – Чаще считалось, что Гоголю не присуще глубокое раскрытие внутреннего мира человека. Сам же Гоголь более всего ценил именно психологическую сторону своего творчества» [12]. Исследовательница справедливо указывает, что мнимая простота гоголевских героев таит глубину авторского анализа душевных явлений, что его персонажей характеризует «сгущенность» внутренней жизни.

Гоголь действительно был мастером в передаче настроений, чувств и душевных переживаний. Так, в самом начале «Ночи перед Рождеством», используя ритмомелодику, синтаксис, лексический состав, фольклорные мотивы, он передаёт торжественное и вместе с тем радостное настроение, связанное с наступлением Рождества, одного из самых больших христианских праздников.

В повестях «Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть», «Вий» писатель гениально воплотил разные оттенки страха и ужаса, которые испытывают герои, столкнувшись с проявлением сверхъестественного и ирреального. Чувство страха и ужаса – неотъемлемая составляющая повестей

«Портрет» и «Нос». Особенность указанных произведений заключается в том, что в них стирается грань между реальным и ирреальным.

Например, герой повести Гоголя «Портрет» художник Чартков испытывает чувство ужаса, когда видит «живые» глаза старика на портрете, который он случайно приобрёл в лавке. «...Художник вдруг задрожал и побледнел: на него глядело, высунувшись из-за поставленного холста, чье-то судорожно искаженное лицо. Два страшные глаза вперились в него, как бы готовясь сожрать его...» [4, с. 69]. Автор описывает психологическое состояние Чарткова «извне», от имени повествователя, и вклинивает в эти описания внутренние монологи героя. В одних случаях они даны без кавычек, как несобственно-прямая речь, в других – в кавычках, как его разговор персонажа с самим собой. «Глядит, глядит, человеческими глазами», – произнёс Чартков изумлённым голосом, стремясь постичь тайну странного портрета. «Что это? – невольно вопрошал себя художник. – Ведь это однако же натура, живая натура; отчего же это странно-неприятное чувство?» [4, с. 69, 71].

Гоголь нагнетает тревожную атмосферу, описывая, какие чувства испытывает герой в тот момент, когда видит, как изображённый на портрете старик пошевелился и вначале вышел, а потом ушёл в рамку портрета. Всё происходящее кажется ему страшным сном. При этом граница между сном и явью кажется очень зыбкой. Писатель даёт систему сновидений героя, который, просыпаясь, каждый раз спрашивает себя: «Неужели это был сон?»; «Неужели и это был сон?»; «И это был также сон?» [4, с. 72, 73]. Вспоминая, как старик с бронзовым лицом и страшными глазами подошёл к нему и достал свёртки с золотом, на которых была выставлена сумма «1000 червонных», Чартков начинает сомневаться, «точно ли это был сон и простой бред, не было ли здесь чего-то другого, не было здесь виденье» [4, с. 74]. Этот и другие примеры из повести Гоголя «Портрет» свидетельствуют о том, что её автор мастерски передаёт чувства героя, описывая его психологическое состояние «извне» – от имени повествователя, и «изнутри» – при помощи его внутренних монологов.

Повесть Гоголя «Нос» может быть прочитана не только с акцентом на сатире, гротеске, символических свойствах этому произведению, но и на уровне общечеловеческой психологической ситуации: человек потерял то, без чего не мыслит своего существования. Это произведение построено на оппозиции двух чувств – ужаса и радости. В начале повести коллежский асессор Ковалёв, проснувшись и посмотрев в зеркало, обнаружил, что у него вместо носа – гладкое место. Гоголь «вклинивает» мысли героя в повествование от имени автора: «Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? Кажется, не спит. Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!..» [4, с. 42]. Гоголь любит повторы слов и ситуаций. «...Не может быть, чтобы нос пропал сдуру», – подумал он и зашёл в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотреть в зеркало. <...> «Черт знает что, какая дрянь! – произнёс он, плюнувши. Хотя уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..» [4, с. 43]. Герой вышел из кондитерской, «закусив губы». Эта деталь подчёркивает психологическое состояние, в котором он находился. Комизм, а вместе с тем и ужас ситуации усиливаются, когда герой узнал в господине в мундире свой собственный нос. «...Казалось ему, все перево-

ротилось у него в глазах, он чувствовал, что едва мог стоять. <...> Бедный Ковалев чуть не сошел с ума» [4, с. 43]. Как верно заметил Ю. В. Манн, Гоголь снимает носителя фантастики в повести «Нос», хотя её фантастичность при этом остаётся [14, с. 82]. В одном из внутренних монологов герой произносит: «Невероятно, чтобы нос пропал; никаким образом невероятно. Это верно или во сне снится, или просто грезится» [4, с. 43].

В основе построения повести – принцип зеркальной композиции. Если в первой и во второй части произведения доминирует чувство страха, то в третьей части автор описывает радость майора Ковалёва, который, проснувшись и нечаянно взглянув в зеркало, обнаружил нос на своём месте: «...Нос! – хватъ рукою – точно нос! <...> взглянул еще раз в зеркало: нос! Вытираясь утиральником, он опять взглянул в зеркало: нос!» [4, с. 43]. Зайдя в кондитерскую или в приёмную, герой снова и снова будет смотреть в зеркало, чтобы убедиться – есть нос! – и еще раз порадоваться этому.

Повесть Гоголя «Шинель» также насыщена психологическим подтекстом, однако построена она по иному принципу: вначале Акакий Акакиевич испытывает чувство радости от приобретения новой шинели, а в конце повести – чувство горя от её потери.

В. В. Виноградов в работе «Гоголь и натуральная школа» использует термин «психологический рассказчик» применительно к раннему творчеству писателя, однако не приводит никаких примеров, иллюстрирующих этот термин [1, с. 191, 220]. Правомерность использования такого термина попытаемся доказать на примере повести Гоголя «Тарас Бульба».

В этом произведении повествование ведётся от имени рассказчика, который не персонифицирован и выступает в роли alter ego автора. Рассказчик хорошо знает жизнь украинских казаков, сочувственно относится к ним, особенно к главным персонажам повести, очень эмоционально повествует обо всех событиях. Например, в шестой главе повести автор описывает смену душевных переживаний Андрия, когда он проник в осаждённый город и увидел полячку, о которой так много думал. Вначале «ощутил Андрий в своей душе благовеиную боязнь и стал неподвижен перед нею. <...> Он хотел бы выговорить все, что ни есть на душе <...> и не мог». Однако уже через некоторое время психологическая ситуация кардинально изменяется: «Его душе вдруг стало легко; казалось, все развязалось у него. Душевные движения и чувства, которые дотоле как будто кто-то удерживал тяжкой уздою, теперь почувствовали себя освобожденными, на воле и уже хотели излиться в неукротимые потоки слов...» [3, с. 79]. «В этом описании психического перелома у Андрия Гоголь является первоклассным психологом», – справедливо указывает В. В. Зеньковский [8, с. 207].

Рассказ о том, как Андрий отрёкся от отца, товарищей и отчизны, заканчивается эмоциональным размышлением, передающим трагизм ситуации, в которой оказался герой. «И погиб казак! Пропал для всего рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей. <...>. Вырвет старый Тарас седой клок из своей чуприны и проклянет день и час, в который породил на позор себе такого сына» [3, с. 84]. Это не просто информация. Текст указанного фрагмента пронизан чувством горя и безысходности, он готовит читателя к дальнейшему трагическому исходу событий. «Рассказчик, – пишет В. В. Виноградов, – подстав-

ное лицо (medium), которое плетет словесный узор, в произведениях Гоголя как бы движется зигзагами по линии от автора к героям» [1, с. 191].

Психологический рассказчик раскрывается в повести во многих эпизодах. Например, он комментирует накал битвы после гибели половины Незамайковского куреня. «Как вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет!» [3, с. 108]. Описывая многочисленные проявления героизма и гибели простых казаков, рассказчик призывает: «Козаки, козаки! Не выдавайте лучшего цвета вашего войска!» [3, с. 111]. Думается, что эти и подобные им примеры, передающие внутреннее состояние субъекта повествования, в частности его чувства любви к Украине и всему казачеству, свидетельствуют о правомерности употребления термина «психологический рассказчик» применительно к повести Гоголя «Тарас Бульба».

Термин «психологический рассказчик» применим, на наш взгляд, и к повести Гоголя «Старосветские помещики», потому что именно рассказчик передаёт свои наблюдения от посещений Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, подчёркивая то чувство любви и заботы, которое испытывали друг к другу эти простые люди.

В «Авторской исповеди» Гоголь неоднократно упоминает, что основным его занятием был «человек и душа человека вообще», что именно они стали предметом его наблюдений. При этом писатель ссылается на авторитет Пушкина, который одним из первых обратил внимание на его способность «угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого» [6, с. 418, 416, 413].

Сложность создания характеров в поэме «Мертвые души» заключается в том, что автор должен был изобразить героев, лишённых внутреннего мира, живущих обыденными интересами, находящихся в состоянии духовного омертвения. Выполняя эту задачу, он использует такой приём, который можно классифицировать как *минус приём*. Ю. В. Манн обратил внимание на то, что «в характеристике большинства персонажей поэмы Гоголь обходится без описания глаз» [14, с. 76-77]. Известно, что романтики для раскрытия внутреннего состояния героя активно обращались к описанию его глаз – своеобразного зеркала души. Но поскольку настоящими «мёртвыми душами» в поэме являются помещики, которых посещает Чичиков, у которых душа находится в стадии умирания или умерла, то и в описании их глаз не было необходимости. В тех случаях, когда автор упоминает о глазах некоторых персонажей, эти упоминания, как правило, лишены психологической функции. Глаза Манилова, «сладкие, как сахар», как верно заметил Ю. В. Манн, «определены по вкусовому качеству – как гастрономический продукт». В описании глаз Собакевича, упомянуто лишь орудие, которое употребила природа: «большим сверлом ковырнула глаза», а глаза Плюшкина сравниваются с глазами мыши («Маленькие глазки ещё не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши...») [14, с. 76, 77].

В поэме «Мертвые души» Гоголь продемонстрировал мастерство создания не только социальных типов (помещиков, чиновников), но и типов психологических. Литературоведы неоднократно отмечали умение Гоголя описывать героев таким образом, что они предстают перед читателем, как живые. Так, Н. А. Котляревский указывал, что «Гоголь сумел в одном типе

воплотить массу *душевных состояний* (курсив мой – В. М.) и многие жизни» [13, с. 339].

В поэме «Мертвые души» Гоголь создал достаточно большое количество распространённых типов, настроений, привычек, которые составляют мозаику того широкого обобщённого образа, который автор назвал «Русью». Однако образы поэмы – это не только социальные, но и психологические типы, носители определённых страстей. Так, характеризуя Манилова как человека, у которого отсутствуют яркие страсти, автор размышляет о разных типах характеров. «У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый <...> спит и грезит о том, как бы пройтись ему с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям...» и т. д. [5, с. 207]. А вот особенность Манилова заключалась в том, что у него не было не только перечисленных страстей или «задоров», у него не было никаких страстей. «...Сила Гоголя в том, что он умеет воплотить в художественный тип, сделать рельефной саму неопределённость и бесхарактерность», – замечает Ю. В. Манн [14, с. 74].

Есть в «Мертвых душах» и мастерски описанные психологические ситуации. Один из ключевых эпизодов поэмы – эпизод купли-продажи «мертвых душ», повторяющийся в «портретных» главах поэмы (со второй по шестую), выполняет не только важную сюжетобразующую, но и психологическую функцию, ведь в каждом отдельном случае реакция персонажа на предложение Чичикова продать ему «мертвые души» подчёркивает какие-то особенности его характера. Так, для сентиментального Манилова подобное предложение – шок. «Манилов выронил тут же чубук с трубкой на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут» [5, с. 32]. Это своеобразная «немая сцена». Другие персонажи реагируют на подобное предложение спокойно и даже начинают торговаться. Например, практичный Собакевич предлагает Чичикову «по сту рублей» за душу.

Следует признать, что в поэме «Мертвые души» проникновение во внутренний мир героев является скорее исключением, чем правилом. Писатель позволяет читателю заглянуть в душу лишь двух персонажей – Чичикова и Плюшкина, которые отличаются от остальных тем, что имеют прошлое. Например, образ Чичикова раскрывается «извне», при помощи авторских характеристик, и «изнутри», при помощи его внутренних монологов. Так, в пятой главе автор-повествователь «извне» детально описывает внутреннее состояние Чичикова в тот момент, когда ему удалось убежать от преследований Ноздрёва, заставлявшего его продолжить игру в шашки, во время которой открыто жульничал. «Герой наш трухнул, однако ж, порядком. <...> Дыхание его переводилось с трудом, и когда он попробовал приложить руку к сердцу, то почувствовал, что оно билось как перепелка в клетке. “Эк, какую баню задал! Смотри ты какой!”» [5, с. 82].

Такое сочетание характеристики героя «извне» и «изнутри», как было уже отмечено, – характерная особенность повествования в гоголевском тексте. Показательны в этом плане эпизоды встречи Чичикова с юной блондинкой. Первый раз эта случайная встреча происходит тогда, когда брич-

ка Чичикова столкнулась и перепуталась со встречной коляской, в которой сидели две дамы – старая и молодая. Реакция Чичикова на происшедшее оказывается неожиданной. Вначале он «глядел очень внимательно на молоденькую незнакомку» и даже пытался с ней заговорить, но вскоре дамы уехали. Комментируя этот эпизод, Гоголь включает в текст поэмы размышления обобщающего характера: «...Везде хоть раз встретится на пути человеку явление, не похожее на все то, что случалось ему видеть дотопе, которое хоть раз пробудит в нем чувство, похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь. <...> Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-нибудь двадцатилетний юноша <...> и Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем!» [5, с. 85–86]. Однако внутренний монолог Чичикова свидетельствует о том, что неожиданная встреча с незнакомкой натолкнула его отнюдь не на возвышенные размышления: «Славная бабешка! – сказал он, открывши табакерку и понюхавши табаку. – Но ведь что, главное, в ней хорошо? Хорошо то, что она сейчас только, как видно, выпущена из какого-нибудь пансиона или института, что в ней, как говорится, нет еще ничего бабьего...» Чичиков начинает предполагать, кто её отец, насколько он богат: «Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из неё мог бы выйти очень, очень лакомый кусочек» [5, с. 85–86].

Психологических ситуаций в гоголевской поэме достаточно много. Например, автор детально характеризует психологическое состояние героя после того, как во время бала внезапно появился весёлый и радостный Ноздрев, который в присутствии всех гостей, увидев Чичикова, громко произнёс, заливаясь смехом: «– А, херсонский помещик, херсонский помещик! <...> Что? Много наторговал мертвых? <...> Он стал чувствовать себя неловко, неладно: точь-в-точь как будто прекрасно вычищенным сапогом вступил в грязную вонючую лужу; словом, нехорошо, совсем нехорошо», – пишет Гоголь [5, с. 160]. Чичикову не помогло то, что он старался не думать о происшедшем, «старался рассеяться, развлечься, присел в вист, но все пошло как кривое колесо» [5, с. 160].

Неприятное чувство не оставляет Чичикова, когда он раньше времени вернулся к себе в гостиницу. И вот здесь, оставив героя наедине со своими мыслями, автор даёт длинный внутренний монолог Чичикова, проникая в его душу и в его мысли. Предмет рассуждений героя в этом монологе – бал. И если накануне бала Чичиков с нетерпением ожидал его, примеривал к себе разные маски, придавая лицу разные выражения, то после скандального происшествия бал видится ему в совершенно ином свете. «Чтоб вас черт побрал всех, кто выдумал эти балы! – говорил он в сердцах. – Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы! Эх штука: разрядились в бабьи тряпки...» [5, с. 163]. Не ограничиваясь внутренним монологом героя, автор ещё раз комментирует, объясняет его внутреннее состояние. «Главная досада была не на бал, а на то, что случилось ему оборваться, что он вдруг оказался перед всеми Бог знает в каком виде, что сыграл какую-то странную, двусмысленную роль», – замечает повествователь [5, с. 164].

Итак, Гоголю свойствен интерес к внутреннему миру человека. Несмотря на то, что психологизм не является доминантой его творчества, психологические приёмы изображения действительности играют в его наследии значительную роль. Проза Гоголя пронизана чувствами, эмоциями. Он мас-

терски передаёт психологические состояния, психологические ситуации, в которых оказываются герои, использует внутренние монологи, психологические детали, а также различные маски – повествователя, рассказчика, лирического героя, при помощи которых комментирует поступки и мысли персонажей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В. В. Гоголь и натуральная школа / В. В. Виноградов // Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 2003. – С. 189–226.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – М. : INTRADA, 1999. – 445 с.
3. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. Т. 2. Миргород / Н. В. Гоголь ; коммент. С. И. Машинского. – М. : Худож. лит., 1984. – 319 с.
4. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. Т. 3. Повести / Н. В. Гоголь ; коммент. Г. М. Фридендера. – М. : Худож. лит, 1984. – 294 с.
5. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. Мертвые души. Поэма / Н. В. Гоголь ; коммент. С. И. Машинского. – М. : Худож. лит, 1985. – 527 с.
6. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. Статьи / Н. В. Гоголь ; коммент. Ю. Манна. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.
7. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы : книга для учителя / А. Б. Есин. – М. : Просвещение, 1988. – 176 с.
8. Зеньковский В. Н. В. Гоголь / В. В. Зеньковский // Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь / предисл. и сост. Л. Аллена. – СПб. : Logos, 1994. – С. 190–342.
9. Золотухина О. Б. Эволюция психологизма Германа Гессе : монография [Электронный ресурс] / О. Б. Золотухина. – Гродно, 2007. – Режим доступа: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/>. – Загл. с экрана.
10. Золотухина О. Б. Психологизм в литературе : пособ. по одноименному спецкурсу для студ. спец. «Русская филология» [Электронный ресурс] / О. Б. Золотухина. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/psihologism_lit/index.htm. – Загл. с экрана.
11. Ким Хюн И. Проблема души человека в петербургских повестях Гоголя : дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / И Ким Хюн. – М., 2004. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/problema-dushi-cheloveka-v-peterburgskih-povestyah-n-v-gogoly>. – Загл. с экрана.
12. Коржова Е. Ю. Психологическая реконструкция концепции личности Н. В. Гоголя [Электронный ресурс] / Е. Ю. Коржова. – Режим доступа: <http://humanpsy.ru/korzhova/gogol>. – Загл. с экрана.
13. Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы / Н. А. Котляревский. – М. : Летний сад, 2009. – 404 с.
14. Манн Ю. В. Постигая Гоголя : учеб. пособ. / Ю. В. Манн. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 206 с.
15. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – 2-е изд, доп. – М. : Худож. лит., 1988. – 413 с.
16. Поройков С. Ю. О литературных приемах Н. В. Гоголя [Электронный ресурс] / С. Ю. Поройков. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/08/27/893>. – Загл. с экрана.
17. Сикорский И. А. Психологическое направление художественного творчества Гоголя (Речь в Университете Св. Владимира в 110-летие Гоголя) / И. А. Сикорский. – К., 1911. – 11 с.
18. Слюсарь Н. В. Психологизм в творчестве Н. Гоголя / Н. В. Слюсарь // Гоголь и современность (к 185-летию со дня рождения). – К., 1994. – С. 44–49.
19. Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве : в 2 ч. / И. В. Страхов. – Саратов, 1973. – Ч. 1. – 57 с.

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

В статье рассматриваются теоретические аспекты понятия «психологизм», в изучении которого существует ряд проблем, несмотря на то, что к нему обращались такие исследователи, как Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есин, В. И. Страхов, А. П. Скафтымов, О. Б. Золотухина и другие. Большинство исследователей рассматривают это понятие на примере вершинных явлений реалистической психологической прозы.

Цель данной научной разведки заключается в том, чтобы проанализировать приёмы психологического изображения в произведениях Н. В. Гоголя. Автор статьи опровергает мнение Б. А. Есина, утверждавшего, что психологизм в произведениях Гоголя отсутствует. При этом он ссылается на высказывания В. В. Зеньковского, утверждавшего, что Гоголь был превосходным психологом.

Умение писателя передавать психологические состояния, например чувство страха и ужаса, наблюдаем во многих его произведениях, в частности в повестях «Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть», «Вий», «Портрет», «Нос». В повестях «Тарас Бульба» и «Старосветские помещики» важную роль играет «психологический рассказчик» (термин В. В. Виноградова). В поэме «Мёртвые души» Гоголь использует внутренние монологи, характеризует героев не только «извне», но и «изнутри». Несмотря на то, что психологизм не является доминантой творчества писателя, его проза пронизана переживаниями и эмоциями, он умело передаёт психологические состояния и ситуации, в которых оказываются герои.

Ключевые слова: психологизм, психологическая деталь, психологическое состояние, внутренний монолог, герой, персонаж.

VALENTINA MATSAPURA

ON PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION
IN GOGOL'S CREATION

This paper presents academic angles of the notion "psychologism". There are many problems in the studying of this notion, although it has been analyzed by such researchers, as L. Y. Ginzburg, A. B. Esin, V. I. Strahov, A. P. Skaftyimov, O. B. Zolotuhina and others. The majority of studiers illustrate this notion by examples of uppermost phenomena in realistic psychological prose.

The object of this research paper is the analysis of artistic devices of psychological representation in the written works by N. V. Gogol. The author of the article demolishes the view of A. B. Esin, who confirmed that there is no psychologism in the works of Gogol. Moreover, claiming that, A. B. Esin cites to the statement by V. V. Zenkovskiy, who insisted upon the fact, that Gogol had been an excellent psychologism.

The writer's ability to describe psychological condition, in particular fear and horror, can be observed in many of his works, especially in such short stories, as "St. John's Eve", "A Terrible Vengeance", "Viy", "The Portrait", "The Nose". The "psychological narrator" (the term by V. V. Vinogradov) plays a critical part in the stories "Taras Bulba" and "The Old World Landowners". Gogol uses interior monologues in the poem "Dead Souls", in such a way characterizing the heroes not only "from the outside", but also "from the inside". Even though psychologism isn't the keynote of the writer's creative works, his prose is imbued with emotions and feeling and he skillfully depicts psychological conditions and situations, in which his heroes find themselves.

Key words: psychologism, psychological detail, psychological condition, stream of consciousness, hero, character.

Одержано 15.01.2016 р.